

Труп богомола забрала муниципальная служба, но уборка в комнате оказалась целым событием. Канцелярские принадлежности и будильник, сметённые огромным богомолем со стола, валялись на полу; вдобавок было разбрызгано столько крови, будто там кто-то погиб. По крайней мере, ковёр на полу и одеяло с самолётками, похоже, придётся выбросить.

— Я вызову уборщиков, а ты пока отложи только то, что не хочешь выбрасывать.

Мать быстро сдалась и сказала так, поэтому Акира собрал в полиэтиленовый пакет уцелевшие книги манги и пластиковые модели.

И всё же было непонятно: труп Акуты, который должен был лежать в гостиной, не обнаруживался... В гостиной повреждений оказалось мало — обеденный стол сильно сдвинулся, мусорное ведро перевернулось, и содержимое рассыпалось, но на этом всё.

И ещё одно...

Вход, через который проник тот огромный ночной жук, тоже не нашли. Ни разбитого стекла, ни распахнутой двери — ничего...

Что касалось тревожного — судьба Ицуки тоже оставалась неопределённой. Поскольку он сбежал раненым, возможно, решили, что он погиб вместе с Акутой; заявку в город не подавали (мать проверила на городском сайте), но как поступить с ним в будущем — решения принять никак не удавалось. Утешало лишь то, что у матери в голове, похоже, не было варианта «утилизировать».

— Нельзя ли оставить его у нас?

За воскресным обедом, состоящим из овощного супа, приготовленного Акирой, и купленных впрок булочек с начинкой, состоялся небольшой семейный совет.

— Послушай... Это не то же самое, что подобрать щенка. Прежде всего, сам контакт грязного пса с ребёнком младше двенадцати лет — табу. Если просочится, что в этом доме, где ты живёшь, находится грязный пёс... это будет ужасно.

— Если считать его человеком... я буду каждый день принимать его кровь. И Ицуки не придётся страдать от болезни.

— Тем более нельзя. В этом городе нет места человеку без регистрации. Его немедленно заберут в следственный отдел.

Мать, глядя на Ицуки, который с трудом ел булочку с лапшой, вздохнула. Сегодня Ицуки снова превратился в грязного пса с иссохшим телом; из-за опухоли во рту он не мог нормально есть, кое-как доел сначала начинку из лапши, а теперь изо всех сил пытался проглотить сухую булочку.

Внезапно Акире пришла в голову идея; он сунул указательный палец в рот и протянул его Ицуки:

— Ицуки. Смотри.

Без всяких объяснений Ицуки понял намерение. Он радостно взял палец в рот и с чмокающим звуком присосался. Акира почувствовал, как бугристая опухоль, касающаяся пальца во рту, мягко отступает. Опухоль, нависавшая над веками, исчезла; Ицуки повернул к Акире чёрные глаза и радостно улыбнулся. Он счастливо принялся уплетать булочку с начинкой.

— Ну ты даёшь...

— с изумлением сказала мать.

— Сколько ты ещё собираешься так делать?

— Сколько?.. Когда могу — всегда. Если болезнь можно хоть немного облегчить, пусть лучше её не будет.

— Даже зная, что это табу?

— Ведь это табу, установленное, чтобы их унижать, разве нет?

— в голосе Акиры прозвучал гнев.

— Я поняла, что ты дорожишь этим ребёнком, — голос матери был озабоченным, но мягким.

— Он ведь твой друг.

Мать всегда говорила ему заводить друзей... До сих пор Акира думал, что она имеет в виду необходимость постоянного партнёра для принятия крови, но теперь понял: она искренне радовалась, что у него появился друг.

— Ты не только даёшь ему свою кровь, но и сам принимал его кровь, верно?..

Мать с самого утра только и делала, что вздыхала, и этот вздох вышел особенно долгим.

— Это тоже табу, я знаю.

— И это тоже... но о принятии крови между грязными псами и людьми известно мало.

— Поэтому я и говорю, что он человек...

— Даже если так, он другой человек, не такой, как мы, — спокойным, почти исследовательским тоном сказала она.

— Форма клыков отличается. Они не приспособлены сосать кровь. На самом деле я никогда не слышала, чтобы грязные псы нуждались в принятии крови. Ни от людей, ни друг от друга.

— Поэтому он тоже человек...

— Хорошо. Тогда давай называть нас «исконными людьми». Так пойдёт?

Ицуки, который слушал разговор с необычайным интересом, вмешался:

— Я не пёс. Нэнотами.

— Нэнотами... значит, вы сами себя так называете.

Ицуки радостно улыбнулся:

— Мама, ты слушаешь мой рассказ. Я рад.

Мать слегка улыбнулась и погладила его по голове.

— Иными словами, что происходит, когда нэнотами, которые изначально не приспособлены к принятию крови, и исконные люди принимают кровь друг друга, — этого мы не знаем...

— Со мной, вообще-то, ничего не случилось. И у Ицуки... болезнь и раны ведь зажили.

Говоря это, Акира вспоминал то сильное переживание, когда попробовал кровь Ицуки. Сладость, от которой немеет голова, и голодное желание, не похожие на ощущения от чьей-либо ещё крови...

— Уже то, что это неизвестно, само по себе неестественно, на самом деле...

— пробормотала мать как будто про себя.

— Несмотря на то что их так широко используют, нет ни одного случая принятия крови... Не может быть, чтобы никто не проводил исследований.

— Скорее всего, это скрывают, потому что это неудобно. Я не хочу прекращать... Я хочу вылечить Ицуки ещё больше, и я тоже...

Он не мог сказать: «Хочу пить кровь Ицуки».

Мать пристально посмотрела на его лицо.

— Дай мне немного разузнать. Если я получу доступ к отдельному серверу в институте, возможно, смогу узнать больше. Инасики изначально был пионером в исследованиях грязных псов; возможно, остались чьи-то результаты.

— Это... разве не опасно?

— Это касается твоего здоровья. И его тоже.

Она слегка улыбнулась:

— Конечно, я сделаю всё, что смогу. Но пока я не узнаю, никакого принятия крови. Хорошо?

— Хорошо...

— По крайней мере, перестань пить кровь Ицуки, — твёрдо сказала мать.

<http://bllate.org/book/18129/1740488>